

УДК 39(571.54/55)

Образы Китая в сознании русских Байкальского региона

А. В. Жуков, А. А. Жукова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. В статье впервые проводится попытка исследования восприятия Китая и китайцев россиянами, проживающими в Байкальском регионе. Задачей статьи является анализ рецепции образов Китая населением российско-китайского приграничья. Авторы доказывают, что на особенности формирования образов Китая в этом регионе влияли факторы, сложившиеся под влиянием естественных обстоятельств и практических требований, и лишь в отдельные периоды преобладали политические мотивы, исходящие от российского центра. Новизна статьи определяется авторской концепцией о том, что массовое сознание подвергается воздействию проекций и воспроизводит значительное количество рецепций образов Китая. Данный диалог редко сводится к упрощенной дихотомии «свой – чужой» и чаще формирует более сложные по составу конструкты. Авторы доказывают, что образы Китая в сознании населения Байкальского региона привносили русские, побывавшие в Китае; китайцы, переносившие элементы своей культуры на российские территории; политическое влияние, исходившее из российского центра, а также Китай, прилагающий усилия, направленные на распространение образов Китая и китайцев на соседние регионы, что на территории России стало ощутимым начиная с 90-х гг. XX в. Результатом исследования является выделение таких этапов эволюции восприятия образов Китая, как: период дороссийской колонизации, период колонизации, период после установления русско-китайской границы, период 2-й половины XIX в. до Октябрьской революции, советский и постсоветский периоды. Практическое значение статьи заключается в доказательстве того, что при осуществлении стратегии проецирования образов Китая необходимо учитывать естественно-практические интересы населения российско-китайского приграничья.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, российское население Байкальского региона, факторы формирования образов Китая, восприятие образов Китая, периоды эволюции восприятия образов Китая, межкультурный диалог, массовое сознание.

В России интерес к жизни китайского народа имеет глубокие корни, так как Китай, один из крупнейших соседей России на Востоке, обладающий огромным потенциалом, оказывает длительное и ощутимое влияние на политическую, культурную и религиозную жизнь россиян. В формировании представлений о Китае большую роль играет такая приграничная с Китаем территория России, как Байкальский регион, определяющее значение для которого имеет наличие такого регионального рубежа Сибири, как озеро Байкал, с одной стороны, и границы с Китаем, с другой [3, с. 7]. В течение длительного времени в силу географических, климатических и других особенностей пространства, прилегающие к Байкалу, были местом соседства китайского населения с многочисленными некитайскими народами. Интенсивные процессы взаимодействия культур продолжаются и сегодня, так как Байкальский реги-

он является неотъемлемым элементом зоны трансграничья России, Северного Китая и Монголии. Именно эти территории в условиях социальной действительности XXI в. подвергаются целенаправленному идеологическому воздействию со стороны Китая, который предпринимает усилия для реализации программы расширения «китайского культурного круга» [17, с. 7].

Предметом проводимого анализа являются образы, распространенные среди российского населения Байкальского региона и содержащие информацию о Китае и китайцах. Мы полагаем, что факторами, влияющими на восприятие Китая со стороны российского населения региона, являются геополитические условия бытования, культурные контакты, а также целенаправленное идеологическое воздействие, осуществляемое со стороны организованных групп, представляющих интересы государств или корпораций в политических, экономических культурных и иных целях. Об актуальности исследований процессов восприятия образа Китая свидетельствует то, что эта тема все чаще озвучивается в трудах известных востоковедов, таких, например, как В. Л. Лукин [16], А. Г. Ларин [14] и В. Г. Дацышен [8], где данный вопрос обсуждается в контексте общероссийского дискурса. Региональные аспекты, связанные с восприятием образа Китая на Дальнем Востоке, поднимаются в исследованиях А. П. Забияко [10], О. В. Бузмаковой [2]. Однако проблема восприятия Китая населением Байкальского региона остается неизученной. Поэтому задачей данной статьи является диахронический анализ процессов проекции, рецепции и воспроизводства образов Китая на указанной территории.

Важно отметить, что целенаправленного проецирования образов Китая в массовое сознание русских, проживающих на территории Байкальского региона, длительное время не осуществлялось. Однако процессы восприятия этих идей шли, и осуществлялись они посредством контактов представителей различных культур, что было обусловлено неизбежными процессами аккультурации. Первый период процессов восприятия образа Китая в данном регионе характеризуется прибытием первых русских переселенцев, главным образом казаков. Он был связан с российской колониальной экспансией, начавшейся в XVII в., которая изменила этносоциальную ситуацию у северных рубежей Китая и привела к увеличению русско-китайских контактов [14, с. 21].

В это время ни Китай, ни Россия целенаправленно не занимались конструированием и распространением взаимных образов, которые проявлялись в сознании населения в силу естественных условий взаимодействия и традиций, свойственных этим группам. Например, отношения между Россией и Китаем тогда определялись военным противостоянием, однако восприятие образа Китая в рамках культуры казачества не всегда совпадало с образом «врага». Как видно из текста наказной памяти, данной послу И. Милованову нерчинским воеводой Д. Аршинским, Китай воспринимался казаками как слабый в военном отношении сосед, который нуждается в покровительстве и защите. В соответствии с этими представлениями, Д. Аршинский предложил богдыхану вступить в подданство русскому царю, который «учнет богдохана жаловать и держать в своем царском милостивом призрение и от недругов ево в оборони и в защищении...» [30, с. 35]. И впоследствии, когда маньчжур-

ские войска вступили на земли, подконтрольные казакам, последние не воспринимали Китай только как «врага». Скорее, их восприятие было ближе к образу «чужого», но такого, с которым возможно вести переговоры и осуществлять определенное взаимодействие. Примером этого является судьба албазинских казаков, которые первоначально упорно противостояли маньчжурским войскам, а затем оказались вывезены в Китай, где получили условия для учебы, торговли и даже проповеди. Со временем албазинцы взаимодействовали с социальным окружением на территории Китая и, в частности, брали жен, как правило, из среды маньчжур [22].

Второй период эволюции процессов рецепции китайских образов быденным сознанием русских в Байкальском регионе начался в эпоху, наступившую вслед за установлением русско-китайской границы. Важнейшим этапом в истории формирования образов Китая в сознании русских является подписание Нерчинского договора в 1689 г., пятая статья которого установила, что подданные России и Китая могут переходить границу и заниматься торговлей. После того как Китай и Россия заключили Кяхтинский трактат, российское правительство стало посылать своих представителей (православных миссионеров, купцов, занимавшихся приграничной торговлей, учащихся) в эту страну [18, с. 123]. Таким образом, указанный договор привел к формированию устойчивых торговых и культурных связей между населением различных территорий, которое воспринимало друг друга как далеко не однозначных, но равноправных партнеров [14, с. 22].

Российское население Байкальского региона начиная с этого времени все более активно интересовалось загадочным восточным соседом. При этом если изначальный интерес в основном удовлетворялся посредством рассказов торгового сословия, побывавшего в Поднебесной, то в последующий период тема Китая получила более широкое и детализированное освещение. В 1-й половине XIX в. российское общество следило за выпуском произведений и статей в региональных изданиях, которые описывали нравы и обычаи Поднебесной [12, с. 3]. Так, на страницах иркутских периодических изданий А. А. Кружалина отмечает наличие реплик такого рода: «китайское гостеприимство», «предприимчивые китайцы», «мы очень мало знаем внутреннюю жизнь наших соседей китайцев, но сведения о политическом устройстве Китая еще менее нам известны», «заколдованный великан», «на положение нашей торговли с Китаем нужно обратить очень серьезное внимание» [13, с. 55]. Как видим, тематика статей, посвященных Китаю, отражает то, что интерес к нему затрагивал самые разнообразные темы – от торговли и политики до культуры и обычаев китайцев. Важной видится констатация того, что в представленных образах действительно ощущается потребность местнорусского общества в обретении еще более полной информации о Китае.

Третий период, начавшийся во 2-й половине XIX в., характеризовался тем, что Россия, проявившая заинтересованность в привлечении китайцев к хозяйственному освоению региона, разрешила им селиться на своих землях [8, с. 44]. Это решение радикально повлияло на активизацию и особенности процессов формирования и распространения образов Китая. С одной стороны, для российских рынков труда появление такой рабочей силы, как непри-

хотливые и согласные на любые условия работы китайцы, было крайне привлекательно. С другой стороны, китайцев на российской стороне становилось все больше и больше. Осознание этого факта пугало россиян, что приводило к появлению образов, в которых ощущались опасения. Об этой стране и всем, что связано с ней, говорили как о чем-то удивительном и важном, но вызывающем тревогу. Важно обратить внимание, что никто из русских не сомневался в объективной необходимости контактов с Китаем. Ведь торгово-предпринимательская деятельность китайских купцов буквально преображала приграничные территории [14, с. 22]. Кроме этого, в Россию вместе с китайскими купцами проникали доселе неизвестные здесь товары, например чай [20, с. 141]. Эта деятельность служила источником положительных образов о Китае и чудесных свойствах китайских товаров.

Необходимо отметить, что в процессах конструирования образов Китая в это время сыграло изобретение такого важного инструмента, как русско-китайский пиджин, используемый для местного русско-китайского общения [29]. Его возникновение обусловлено тем, что в результате приграничного взаимодействия китайские образы, обогащая русский язык, проникли через заимствования, которые пополнили словарный запас русских [24]. Это вывело отношения между двумя приграничными этносами на более высокий уровень [19, с. 206]. В целом стихийно развивавшиеся процессы рецепции китайских образов в этот период были обусловлены практическими потребностями приграничного русско-китайского сообщества и способствовали формированию определенного приграничного единства. Впрочем, это не означало, что Китай и китайцы стали «своими». Со 2-й половины XIX в. Российское государство начинает целенаправленно распространять проекции, в которых, в зависимости от политических условий, Китай мог выглядеть и как «друг», и как «враг». На появление и распространение образа Китая, таким образом, стал влиять политический фактор. При этом если для России с этого времени стало важным официальное определение своей позиции (первоначально оно было оформлено только законодательно, а затем появились и идеологические образы) по отношению к Китаю, то со стороны Китая еще долгое время никаких попыток проецирования своих образов, кроме предложения дешевой рабочей силы и выгодных условий торговли, не зафиксировано [8, с. 43].

Во 2-й половине XIX в. в связи с появлением и значительного количества китайских рабочих на территории Байкальского региона в региональной прессе был поднят так называемый «желтый вопрос», в процессе обсуждения которого обращалось внимание на тревожащие аспекты китайского присутствия [13, с. 55]. Так, иркутская газета «Восточное обозрение» выражала опасения в связи с тем, что «китайцы очутились у нас, перейдя даже центр [России], ближе к западу...» [4, с. 1]. Эти и подобные образы приводили к попыткам ограничить миграцию китайцев [23, с. 100]. Однако расширение торгово-экономических контактов и, в частности, подписание в 1896 г. русско-китайских договоров о сотрудничестве и начале строительства КВЖД создавали условия, в которых сохранялось позитивное отношение россиян к своим соседям [11, с. 4].

В начале XX в. среди русских стала распространяться одна из первых целенаправленных идеологических проекций со стороны правительства, позиционирующая Китай как «врага» России. Этот образ воплотился в мифе о «желтой угрозе» [18, с. 123]. В отличие от рецептивных образов, возникавших в дискуссии по «желтому вопросу», которые обращали внимание на отдельные негативные последствия китайского присутствия, миф о «желтой опасности» четко указывал на стремление Китая к военной агрессии. О «желтой опасности» впервые заговорили в 1900 г., когда над российским Забайкалем и Дальним Востоком нависла угроза, исходящая от движения ихэтуаней, и Китай приобрел образ опасного противника [21]. Затем политика вновь повлияла на массовое восприятие образа Китая. Тема «желтой угрозы» была актуализирована в 1905 г. после Русско-японской войны. Озвучивая эту проекцию, П. А. Столыпин, председатель правительства России, заявлял, что пустынный Дальний Восток является привлекательным для густонаселенного Китая, поэтому если русские не заселят его, то скоро он окажется занят чужестранцами [28, с. 33]. С этого времени получили распространение такие образы китайцев, как «разведчики», «тыловое войско», «система тайных обществ» [14, с. 22].

Актуализация негативных проекций в отношении Китая со стороны правительства имела значимые последствия, проявившиеся в запрете нанимать китайских рабочих на поденную работу, который вышел в 1910 г. Однако на практике отказ от труда китайцев приводил к финансовым потерям, и это сразу же отразилось на появлении большого количества мигрантов-нелегалов. Они находили работу повсеместно, и это служит показателем того, что соображения практического характера в обыденной жизни были преобладающими [6]. Дальнейшие события показали полную зависимость взаимного русско-китайского восприятия от бытийного контекста, потому что количество китайцев резко возросло в период Первой мировой войны, когда на территории всей страны ощущался недостаток рабочих рук [14, с. 23].

Таким образом, в период со 2-й половины XIX в. до Октябрьской революции, процессы формирования образов зависели от взаимодействия двух преобладающих факторов: во-первых, это практические условия, вытекающие из проживания местнорусского населения на приграничной с Китаем территории и приводящие к формированию позитивных рецепций в отношении китайцев; во-вторых, это политические соображения правительства, пытающегося поставить под контроль распространение китайского влияния.

Четвертый период эволюции восприятия Китая на территории Байкальского региона характеризовался распространением в сознании населения монообразов, полностью зависимых от идеологии и одинаково воспринимаемых на всех уровнях общественного сознания, что стало возможным благодаря господству тоталитарного режима на территории России (так же как и на территории Китая). Политические события тогда оказывали определяющее влияние на содержание и смену оценок Китая в образах и мифах [31, с. 71]. Как пишет М. В. Пряженникова, в 20-е гг. XX в. китайцы пользовались покровительством советской власти, которая определяла их в качестве национальных меньшинств [23, с. 101] и конструировала образы борцов с Цинской династией и сторонников КПК [27]. Но к 30-м гг. все изменилось по причине

того, что пришедшее к власти в Китае гоминьдановское правительство инициировало гонения на русских. В свою очередь в советской прессе была открыта кампания, проецирующая образы, направленные на дискредитацию «реакционного режима Чан Кайши» [16, с. 188]. Затем в 1937 г. правительство Советского Союза закрыло границу с Китаем, после чего последовало решение о высылке всех китайцев на родину [23, с. 101]. Не могло быть речи о конструировании и распространении позитивных образов Китая и китайцев во время и сразу после Второй мировой войны.

Однако позитивное распространение и восприятие образа Китая стало характеризовать советско-китайские отношения с 1949 г. до начала 60-х гг. XX в. В эти годы к власти в Китае пришла Коммунистическая партия под руководством Мао Цзе Дуна, что, по мнению сталинского руководства, свидетельствовало о переходе Китая на путь социалистического строительства, которое должно было осуществляться при поддержке «старшего брата» в лице Советского Союза. Советская пропаганда утверждала, что КПК «при помощи Советского Союза в 1949 г. стала строить социалистический строй в своей стране» [27]. Наиболее запоминающаяся проекция образа дружбы между нашими странами, относящаяся к этому времени, отразилась в песне «Москва – Пекин» и плакатах, где Мао Цзе Дун изображен вместе с И. В. Сталиным [16, с. 216]. Во 2-й половине 50-х гг., на начальном этапе «хрущевской оттепели», «двери» СССР еще были открыты для китайских студентов. Однако затем наступила эпоха конфронтации, связанная с неприятием Мао Цзе Дуном нового курса Н. С. Хрущева. В это время происходит разворот китайской политики трансляции образов СССР от образа «старшего брата» к образу «социал-империалиста» [16, с. 216], что отразилось и на распространении негативных образов в отношении Китая на территории нашей страны [6]. Наиболее запоминающимся образом этого периода являются описания событий на полуострове Даманском, в отношении которых в Китае была распространена мифологема под названием «Долой новых царей!». Осуществляя пропагандистскую кампанию против СССР, Китай распространял образ советской армии, устраивающей кровавые инциденты на китайской границе. В советской прессе проецировались образы «китайского этнического бандитизма», сформулированные в таких статьях, как, например, «Позор провокаторам!» [25, с. 164]. Начиная с этого времени в средствах массовой информации велась кампания, направленная на формирование у населения региона устойчивого антикитайского синдрома [31, с. 71].

Таким образом, процессы рецепции образов Китая в советский период отличались тем, что полностью зависели от политики государства. Она была очень противоречива, и, как справедливо отмечает А. Г. Ларин, руководство СССР использовало в зависимости от политических обстоятельств практику проецирования двух образов китайцев: образ «опасного» китайца и образ «трудлюбивого и послушного» китайца. При этом обращение к практике проецирования образа «опасного китайца» означало, что правительство обнаруживало симптомы слабости на восточных рубежах [14, с. 24]. Вместе с этим взаимодействие между нашими странами не прерывалось, на что обратил внимание

В. Л. Ларин, который зафиксировал, что «отношения между Китаем и Россией были и остаются формой межцивилизационного контакта» [15, с. 283].

В настоящее время продолжается пятый период эволюции рецепции образов Китая российским населением Байкальского региона. Он связан с развалом СССР и строительством государства, которое стремится к развитию российско-китайских отношений. Они характеризуются устойчивой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой взаимодействия. Несмотря на это, а также на то, что Китай еще в 1989 г. провозгласил лозунг о том, что необходимо «закрыть прошлое – открыть будущее» [26, с. 103], проблемы, связанные с конструированием неоднозначной образности, сопровождают русско-китайское взаимодействие [5]. Китай подвергается многочисленным нападкам, среди которых большое место занимают негативные проекции, такие как «рабы, трудящиеся за копейки» или «пустые города среди пустыни», или «торжествующие на руинах российских городов солдаты народно-освободительной армии Китая» [7]. С другой стороны, распространяются образы, в которых эта страна оценивается в контексте отношений добрососедства и стратегического партнерства. В это время все большее влияние на массовую аудиторию начинают оказывать образы, которые проецируются со стороны Китая. Они формируются через реализацию «принципов культурной дипломатии» и в контексте «политики мягкой силы» [17, с. 291]. Как отмечает Н. А. Абрамова, основное стремление Китая заключается в наращивании такой культурной силы, которая способна сформировать элиту «китаецентристской направленности» в некитайских обществах, проживающих, в частности, в России [1, с. 73].

Таким образом, формирование образов Китая в сознании российского населения на территории Байкальского региона обусловлено рядом факторов, среди которых выделяются геополитические характеристики региона, занимающего пограничное положение между Россией и Китаем, чье влияние является преобладающим в Центральной Азии. Необходимо обратить внимание, что феномен «границы культур» на данных территориях является не только преградой, но в первую очередь зоной контакта различных цивилизаций, что и становится основной причиной процессов интенсивного конструирования и воспроизводства образов Китая среди россиян.

Среди российского населения Прибайкалья и Забайкалья указанные процессы исторически зависят от двух разнонаправленных факторов. Первый из этих факторов обусловлен явлением российско-китайского межкультурного взаимодействия в условиях приграничного региона. Второй зависит от политической конъюнктуры и начинает проявляться в периоды обострения взаимных отношений и войн между Россией и Китаем. Взаимодействие этих разнонаправленных сил очень редко сводилось к конструированию упрощенной дихотомии «свой – чужой» в сознании россиян за Байкалом и чаще воспроизводило более сложные по составу образы.

Подведем итоги:

1. Анализ процессов восприятия образов Китая и китайцев россиянами, проживающими в приграничном Китаю Байкальском регионе, показал, что в идейном пространстве этого региона распространено большое количество

образов Китая, представленных проекциями, которые конструировались и распространялись среди населения, и рецепциями, которые население воспроизводило в своем массовом сознании. Взаимодействие этих разнонаправленных сил очень редко сводилось к воспроизводству образов, основанных на дихотомии «свой – чужой», и чаще занимало промежуточные позиции.

2. На сферу обыденного сознания населения Байкальского региона оказывали влияние: во-первых, те русские, которые, побывав за китайской границей, выполняли функцию репрезентации образов китайской культуры; во-вторых, китайцы, переносившие элементы своей культуры на российские территории. В-третьих, в определенные периоды и исторические моменты могли преобладать политические мотивы, исходящие из российского центра. Они, как правило, служили основанием для формирования монообразов Китая, выступавших в зависимости от политической линии правительства в качестве «друга» либо в качестве «врага». В-четвертых, начиная со 2-й половины XX в. Китай предпринимает усилия, направленные на конструирование и распространение образов Китая и китайцев на соседние регионы, что на территории России стало ощутимым начиная с 90-х гг. XX в.

3. Исследование доказало, что наиболее значимыми источниками конструирования образов Китая среди русских Байкальского региона в период XVII–XX вв. были утилитарно-бытовые интересы населения российско-китайского приграничья, так как на сознание русских Байкальского региона чаще всего влияли практические и естественные, региональные факторы, формирующие историческое многообразие образов Китая. Практическое значение статьи заключается в утверждении необходимости учета этого факта при планировании стратегий конструирования и распространения образа Китая на приграничные с ним территории.

Список литературы

1. *Абрамова Н. А.* Китайская культура и ее трансляция в социокультурное пространство России / Н. А. Абрамова // Гуманит. и социально-эконом. науки. – 2010. – № 3 (52). – С. 68–73.
2. *Бузмакова О. В.* Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании: дис. ... канд. филос. наук / О. В. Бузмакова. – Благовещенск, 2008. – 186 с.
3. *Бураева О. В.* Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. / О. В. Бураева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 212 с.
4. *Васильев В. П.* Китайцы новые подданные России / В. П. Васильев // Вост. обозрение. – 1884. – № 2. – С. 1–2.
5. *Виноградов А.* Информационные войны [Электронный ресурс] / А. Виноградов. – URL: http://www.odnako.org/blogs/show_27135/ (дата обращения: 12.02.2014).
6. *Витковская Г. С.* Новая стольпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии / Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. – М., 1999. – С. 80–120.
7. *Война! Китаец торжествует...* [Электронный ресурс] // Комс. правда. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26111.3/3006176/> (дата обращения: 14.02.2014).
8. *Дацьшен В. Г.* Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) / В. Г. Дацьшен // Диаспоры. – 2001. – № 2–3. – С. 36–52.

9. *Забияко А. П.* Исследовательский проект «Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе» / А. П. Забияко, С. Э. Аниховский, Р. А. Кобызов // *Россия и Китай на Дальневосточных рубежах.* – Благовещенск, 2001. – С. 50–57.
10. *Забияко А. П.* Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты / А. П. Забияко // *Россия и Китай на Дальневосточных рубежах.* – Благовещенск, 2002. – С. 422–429.
11. *Клеменц Д.* К вопросу о пограничных делах / Д. Клеменц // *Сиб. газ.* – 1888. – № 32. – С. 4–5.
12. *Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики : сб. науч. ст. – М. : Наука, 1982. – 264 с.*
13. *Кружалина А. А.* Образ Китая и Китайского народа на страницах сибирской прессы в исторической ретроспективе / А. А. Кружалина // *Россия и Китай: перспективы сотрудничества : материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф.* – Благовещенск, 2012. – С. 53–59.
14. *Ларин А. Г.* Ретроспектива: китайцы в России / А. Г. Ларин // *Миграция.* – 1997. – № 1. – С. 21–24.
15. *Ларин В. Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX начало XXI века) / В. Л. Ларин. – М. : Восток-Запад, 2005. – 390 с.
16. *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А. В. Лукин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 598 с.
17. *Лю Гучан.* О внешней политике Китая и китайско-российских отношениях / Гучан Лю. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2008. – 44 с.
18. *Морозова В. С.* Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : дис. ... д-ра филос. наук / В. С. Морозова. – Чита, 2013. – 378 с.
19. *Осокин Г. М.* Московия на Востоке / Г. М. Осокин. – М. : Танаис, 1996. – 221 с.
20. *Петров А. И.* Китайская историография истории китайцев в Царской России: краткий очерк // *Россия и АТР.* – 2006. – № 1. – С. 141–155.
21. *Поход в Китай [Электронный ресурс].* – URL: http://www.liveinternet.ru/users/franku_boy/post95176563/ (дата обращения: 15.02.2014).
22. *Процесс аккультурации албазинцев. Русская православная церковь в жизни албазинцев [Электронный ресурс].* – URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/albasin/2_2_ru.htm. (дата обращения: 14.02.2014).
23. *Пряженникова М. В.* Особенности культурных процессов в Забайкалье и Северном Китае в 1920–1930 гг. // *Гуманит. вектор.* – 2013. – 3 (35). – С. 99–103.
24. *Русско-китайский пиджин [Электронный ресурс].* – URL: http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/PIDZHIN.html. (дата обращения: 14.02.2014).
25. *Рябушкин Д. С.* Мифы Даманского / Д. С. Рябушкин. – М. : АСТ, Транзит-книга, 2004. – 396 с.
26. *Соловьева Е. В.* Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // *Ойкумена.* – 2009. – № 1 (8). – С. 99–107.
27. *Спорная Курильская гряда, и что рассказывают о Китае российские учебники истории – в обзоре китайских электронных СМИ [Электронный ресурс].* – URL: <http://articles.chita.ru/27830/>. (дата обращения: 12.02.2014).
28. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия: сборник речей и выступлений / П. А. Столыпин. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 416 с.
29. *Уфимцев Ю.* Китайские слова в русском языке: есть и такие! [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.asiadata.ru/?lang=ru&id=2970>. (дата обращения: 12.02.2014).
30. *Щебеньков Б. Г.* Русско-китайские отношения в XVII в. / Б. Г. Щебеньков. – М. : АН СССР, 1960. – 237 с.
31. *Янков А. Г.* Синофобия – русофобия: реальность и иллюзии // *Социол. исслед.* – 2010. – № 3. – С. 65–71.

Images of China in the Consciousness of the Russians of the Baikal Area

A. V. Zhukov, A. A. Zhukova

Zabaikalsky State University, Chita

Abstract. The authors attempt to make a research on the perception of China and the Chinese by the Russians, living in the Baikal area. The article is aimed at the analysis of reception of images of China by the population of the Russian-Chinese border land. Authors proved that reception of images of China in that territory was mostly influenced by natural circumstances and practical requirements, however the political tendencies from the Russian center were predominating in some periods. The originality of the article is determined by the authors' conception of that mass consciousness is induced by extrajections and reproduces significant number of images of China. This dialogue usually forms more complex constructs, rather than leads to a simplified dichotomy «a friend or a foe». The authors establish that images of China in consciousness of the Baikal area population were introduced by the Russians, who visited China; by the Chinese, who adopted their culture within Russian territory; was formed by the political tendencies from the Russian center, and by the Chinese authorities, whose efforts were aimed at distribution of images of China and the Chinese within the neighboring regions. The latter became notable in the Russian territory since 1990s. As the result of the research, the following stages in the evolution of perception of the images of China were eliminated: period before Russian colonization, colonization period, period after defining the Russian-Chinese boundary, period of the second half of the XIXth century up to the Russian revolution, Soviet and Post-Soviet periods. Practical importance of the article is represented by the provement that implementation of the strategy of projections of images of China requires to be considered natural and practical interests of the population of the Russian-Chinese border land.

Keywords: Russian-Chinese border land, Russian population of the Baikal area, factors of forming of images of China, perception of images of China, stages of evolution of perception of images of China, cross-cultural dialogue, mass consciousness.

Жуков Артем Вадимович

*доктор философских наук, профессор,
кафедра философии*

*Забайкальский государственный
университет*

*672039, г. Чита, ул. Александро-
Заводская, д. 30, Общий отдел, НОМЦ*

тел.: 8(3022)324174

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Zhukov Artem Vadimovich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy*

Zabaikalsky State University

*Administration Department of Science Mu-
seum Center, 30, Alexandro-Zavodskaya st.,*

Chita, 672039

tel.: 8(3022)324174

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Жукова Алена Алексеевна

*старший научный сотрудник,
научно-образовательный музейный центр*

*Забайкальский государственный
университет*

*672039, г. Чита, ул. Александро-
Заводская, д. 30, Общий отдел, НОМЦ*

тел.: 8(3952)334372

e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Zhukova Alena Alekseevna

Senior Research Fellow,

Science Museum Center

Zabaikalsky State University

*Administration Department of Science Mu-
seum Center, 30, Alexandro-Zavodskaya st.,*

Chita, 672039

tel.: 8(3952)334372

e-mail: kazarbina_a@mail.ru